

На правах рукописи

Охлупина Ирина Сергеевна

ОБРАЗЫ СВЯТЫХ ЖЕНЩИН В ВИЗАНТИИ VIII – XII ВВ.: СТАНОВЛЕНИЕ,
ЭВОЛЮЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ

07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир и средние века)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург - 2011

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького (УрГУ). 12.05.2011 г. УрГУ реорганизовано в форме присоединения к ФГАО ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Куц Татьяна Викторовна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Еманов Александр Георгиевич
кандидат исторических наук
Курьшева Марина Александровна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Волгоградский
государственный университет»

Защита состоится 11 ноября 2011 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина 51, комн. 248

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Автореферат разослан ____ октября 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Л. Н. Мазур

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Происходящие в последнее время изменения в отношении государства и общества к церкви и религии приводят к возрождению в общественном сознании интереса к духовно-религиозной традиции, к ее истокам и бытованию. Для понимания этой традиции, связь с которой во многом была утрачена, ключевой является проблема святости. Изучение феномена святости в контексте культуры позволяет понять систему ценностей, нравственно-моральные ориентиры и духовные запросы общества в определенные исторические периоды. Реконструкция идеала святости, воплощающего совокупность нормативных этических и ценностных установок, претендует на раскрытие некоторых наиболее существенных характеристик средневекового сознания.

Первостепенная важность, какую имеет изучение прошлого Византии и развития византийской культуры для изучения отечественной истории понятна и очевидна. В свете изучения византийской истории как нашего духовного прошлого становится актуальным рассмотрение представлений византийцев об идеалах поведения, воплощенных в образах святых.

Актуальность темы диссертационного исследования также связана с неизменно растущим интересом к гендерной проблематике в гуманитарных исследованиях, в том числе в отечественной и зарубежной науке. Рассмотрение религиозной сферы как одной из областей социальной реализации женщин может дать определенное представление о социальной роли женщины в византийском обществе, о содержании женских идеалов в культурно-историческом контексте византийской цивилизации.

Объектом данного исследования являются образы святых женщин, сложившиеся в византийском обществе VIII–XII вв.

Предметом диссертационного исследования являются принципы формирования, типология и эволюция образов святых женщин в Византии на материале агиографии VIII–XII вв. в культурно-историческом контексте эпохи.

Выбор хронологических рамок средневизантийского периода (VIII–XII вв.) для исследования образов женской святости обусловлен, прежде всего, тем, что в данную эпоху Византия полностью оформилась как средневековая цивилизация. Эта трансформация отразилась и в житиях святых. Данный период традиционно характеризуют как время окончательного оформления образов святых в агиографии, которые обретают парадигматичность и представляются состоящими из определенного, освященного традицией набора положительных качеств. Эволюция образа святости в этот период заключается в изменяемости самого каталога добродетелей, с одной стороны, и конкретных носителей этих качеств – с другой. На этот период приходится время расцвета агиографии – VIII–XI вв. В XII в. доля агиографических произведений во всей литературной продукции снижается до

3,8% с тем, чтобы почти полностью исчезнуть к концу XII в. Кроме того, в рамках средневизантийского периода можно проследить динамику изменений, коснувшихся построения образа святой.

Территориальные рамки исследования охватывают собственно Византию, т.е. ее столицу – Константинополь, территории Балканской Греции, Малой Азии, греческих островов Эгейского моря, а также Сиро-Палестинский и Калабрийский регион в Италии.

Степень изученности проблемы. Изучение агиографии имеет давние традиции. К исследованию агиографии обращались как историки, так и теологи, философы, культурологи, лингвисты и филологи. Вопрос о возможности использования агиографической литературы в собственно исторических исследованиях привлекал внимание еще дореволюционной отечественной историографии. В работах В.Г. Васильевского¹, В.О. Ключевского², Хр. М. Лопарева³, А.П. Рудакова⁴ были разработаны принципы источниковедческой критики данного вида источников, фактическое содержание агиографических источников было использовано для изучения истории Церкви, светской истории и культуры Византии и Руси.

Византийская литература, в частности агиография, традиционно находится в центре внимания исследователей (К. Крумбахера⁵, Х. Г. Бека⁶, А.П. Каждана⁷). Византийская литература осмыслена учеными как ключевое явление, определившее феномен византийской культуры. Классификацию агиографических произведений и анализ агиографических шаблонов приводил в своих трудах И. Делайэ⁸, который уделял особое значение применению критического метода для изучения агиографии, для отделения житий реальных святых от сакральных биографий вымышленных персонажей.

Исследования зарубежной школы византиноведения (П. Баденаса⁹, К. Хогеля¹⁰ и Л. Рюдена¹¹ и др.) послужили для нас отправной точкой для рассмотрения

¹ Васильевский В. Г. Один из греческих сборников московской синодальной библиотеки // ЖМНП. 1886. №11. С. 65–106.

² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.

³ Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII–IX вв. Петроград, 1914. Ч. 1.

⁴ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997.

⁵ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches 527–1453. München, 1897.

⁶ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959.

⁷ Каждан А.П. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002.

⁸ Delehaye H. The Legends of the Saints: An Introduction to Hagiography / Trans. by V. M. Crawford. L., 1907. P. 214–216.

⁹ Bádenas P. L' evolution des idéaux de sainteté à Byzance // Образ и слово. Юбилейный сборник на случай 60 годишна А. Джурова. София, 2004.

¹⁰ Høgel C. Symeon Metaphrastes: Rewriting and Canonization. Copenhagen, 2002.

вопросов эволюции агиографии как жанра и уяснения исторических обстоятельств, обусловивших эти изменения. Однако проблема эволюции образов святости в византийской литературе была обозначена учеными контурно, на отдельных примерах, что открывает перспективу более подробного и обстоятельного исследования этого вопроса в нашей диссертации.

«Лингвистический поворот» исторической мысли в к. XX в. привел исследователей к осознанию необходимости поиска скрытых смыслов в текстах любых видов в совокупности с анализом контекстов, в которых они были созданы. Ученые обратились к изучению византийской риторики, в том числе и риторических моделей в житиях святых (М. Винсон¹² и др.), к анализу происхождения и функционирования агиографических топосов и кочующих легенд (Д. Шестаков¹³, Т. Пратч¹⁴).

Отечественные исследователи агиографии как жанра литературы 60-х гг. XX в. уделяли особое внимание литературным особенностям агиографии (Д.С. Лихачев¹⁵, С. В. Полякова¹⁶), а также вопросам континуитета в византийских житиях традиций жанра античной биографии (Т.В. Попова¹⁷).

С расширением предмета истории в последней трети XX в. в результате актуализации междисциплинарных исследований изменился и круг вопросов, задаваемых агиографическим источникам, что привело к появлению новых проблемных полей в исследованиях житий, связанных с изучением культуры, ментальности, ценностных установок людей средневековья, их эволюции и воплощения их в моделях благочестивого поведения, восхваляемых в житиях святых. В русле новой парадигмы в современных отечественных и зарубежных исследованиях к агиографическим источникам обращаются для изучения религиозного сознания (А.Я. Гуревич¹⁸ и др.), широкого спектра мировоззренческих, идеологических концептов средневековой культуры (Д. Вайнштайн, Р. Белл¹⁹ и др.).

¹¹ Rydén L. Byzantine hagiography in the Ninth and Tenth Centures: Literary aspects // *Annalea societatis litterarum Humanirum Reqiae Upsaliensis*. Kungl. Arsbok, 1986.

¹² Vinson M. Rhetoric and Writing Strategies in the Ninth Century // *Rhetoric in Byzantium* / Ed. by E. Jeffreys. Ashgate. Burlington, 2003; Vinson M. Romance and Reality in the Byzantine Bride Shows // *Gender in the Early Medieval World: East and West, 300–900*. Cambridge, 2004.

¹³ Шестаков Д. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910.

¹⁴ Pratsch T. *Der hagiographische Topos*. Berlin, 2005.

¹⁵ Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси, М., Л., 1958. С. 107–126.

¹⁶ Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление // *Византийские легенды*. М.; Л., 1972. С. 245–273.

¹⁷ Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография // *Античность и Византия*. М., 1975. С. 218–266.

¹⁸ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

¹⁹ Уваров П. Ю. К читателю: о социальной идентичности средневекового человека // *Социальная идентичность средневекового человека*. М., 2007. С. 6.

Несмотря на известную традиционность методологии, обусловленную недостатком и сложностью источниковедческой базы византиноведения, все большее внимание во второй половине XX в. получает описание ментальности и внутренней картины мира византийцев. В рамках этого подхода, историки обращаются к материалам агиографии для изучения представлений византийцев о смерти²⁰, правосудии²¹, сексуальной жизни²², магии и чудесах²³, о византийском детстве²⁴ и смысловом наполнении понятия «ἕρως»²⁵.

Другая группа исследований связана с использованием компаративного подхода для анализа житий святых. Так, в работе М.Ю. Парамоновой сопоставлены особенные и характеристические черты концепций святости Запада и Руси при анализе вацлавского и борисоглебовского культов, где обозначены необходимые операции, которые следует проводить для получения корректных данных историко-культурного анализа²⁶. О.А. Родионов в исследовании, посвященном сопоставлению византийских житий исихастов и древнерусской агиографии XIV–нач. XV вв., формулирует основные принципы сравнительного анализа византийских и русских житий.²⁷

На фоне общего развития гендерной истории и исторической антропологии, в мировой историографии стали появляться работы, посвященные репрезентациям мужественности в повествовательных исторических источниках, в частности, образам святых мужчин²⁸, воинов²⁹ и евнухов³⁰ в византийской агиографии. Обращение к таким работам позволяет привлекать методы компаративного анализа, для того, чтобы более отчетливо представлять различия в конструировании образов мужской и женской святости в византийской житийной литературе.

²⁰ Dennis G. T. Death in Byzantium // DOP. 2002. Vol. 55. P. 1–7.

²¹ Maguire H. From the Evil Eye to the Eye of Justice: The Saints, Art and Justice in Byzantium // Law and Society in Byzantium, Ninth–Twelfth Centuries / Ed. A Laiou and D. Simon. Washington, 1994. P. 223–224.

²² Kazhdan A. P. Byzantine Hagiography and Sex in the Fifth to Twelfth centuries // DOP. 1990. Vol. 44. P. 131–143.

²³ Kazhdan A. P. Holy and Unholy Miracle Workers // Byzantine Magic / Ed. By H. Maguire / Washington, 1995. P. 73–82.

²⁴ Caseau B. C. Childhood in Byzantine saint's lives // Becoming Byzantine: Children and Childhood in Byzantium / Ed. by A. Papaconstantinou, A. M. Talbot. Washington, 2009. P. 127–166.

²⁵ Nilsson I. Desire and God Have Always Been Around in Life and Romance Alike // Plotting with Eros. Essays on the Poetics of Love and the Erotics of Reading / Ed. by I. Nilsson, Copenhagen, 2009. P. 235–260.

²⁶ Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебовского культов. М., 2003.

²⁷ Родионов О. А. Византийские жития святых-исихастов и древнерусская агиография XIV–XV вв.: характер и истоки параллелизма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

²⁸ Holiness and Masculinity in the Middle Ages / Ed. by P.H. Cullum, K. J. Lewis. Cardiff, 2004.

²⁹ Walter C. The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition. Burlington, 2003.

³⁰ Ringrose K. M. The Perfect Servant: Eunuchs and the Social Construction of Gender in Byzantium. L., 2003; Gender in Byzantium. Women, Men and Eunuchs / Ed. by L. James. N.Y., 1997.

Развитием гендерной истории обусловлено появление исследований византийской агиографии, в которых жития святых привлекаются для анализа роли женщины в религии в Византии, исследуются вопросы о природе женской святости в средневековом мире. Среди работ, обращающихся к проблеме женской святости, в современной отечественной историографии следует отметить диссертацию Т.В. Смирницких, которая привлекает материалы ранневизантийской агиографии для анализа феномена святости бывших блудниц и рассмотрения аскетического идеала женщины-христианки как формы «крайнего» поведения женщины в византийской семье³¹.

В зарубежной историографии изучение образов женской святости в византийской агиографии связано, прежде всего, с работами Э. Патлажан³² и А.М. Талбот³³. Работы Э. Патлажан, посвященные анализу моделей святости в византийской агиографии, показали эффективность применения антропологического подхода к интерпретации религиозного содержания модели святости. В исследованиях А.М. Талбот продемонстрирована важность и продуктивность использования историко-генетического метода для анализа истоков и адекватного понимания религиозного и социального содержания модели женской святости.

Предметом отдельных научных изысканий в современных исследованиях становятся модели «крайней», «экстравагантной» святости, образы святых-юродивых и монахинь-трансвеститов³⁴. В рамках направления исторической антропологии, связанной с изучением образа тела в воображении людей и места его в реальной жизни в разные исторические эпохи, С. Константино рассматривает «историю женского тела» на материалах житий святых женщин Византии³⁵.

³¹ Смирницких Т. В. Характер и специфика частной жизни женщины в ранней Византии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 21–22.

³² Patlagean E. L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance. // *Studi Medievali*. 1976. Ser. 3. Vol.17. P. 597–625.

³³ Talbot A.M. The Devotional Life of Laywomen // *Byzantine Christianity: A People's History of Christianity* / Ed. by D. Krueger. Vol. 3. Minneapolis, 2006; Talbot A. M. Family Cults in Byzantium: The Case of St Theodora of Thessalonike // *LEIMON. Studies Presented to Lennart Ryden on his Sixte–fifth Birthday* / Ed. J. O. Rosenqvist. Uppsala, 1996. P. 49–69; Talbot A. M. Female Sanctity in Byzantium // *Women and Religious Life in Byzantium*. 2001. Part VI. P. 1–16; Talbot A. M. The Byzantine Family and Monastery // *DOP*. 1990. Vol. 44. P. 119–129; Talbot A. M. Women's space in Byzantine monasteries // *DOP*. 1998. Vol. 52. P. 113–127.

³⁴ Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. М., 2005; Rochow I. Die vita der Euphrosyne der Jüngerer, das späteste beispiel des motifs der weiblichen transvestitens (monachoparthenia) in der byzantinischen hagiographie // *Мир Александра Каждана: к 80-летию со дня рождения* / Под ред. А.А. Чекаловой. СПб., 2003. С. 259–271; Vogt K. 'The Woman Monk': A Theme in Byzantine Hagiography // *Greece & Gender* / Ed. by B. Berggreen and N. Marinatos. Bergen, 1995. P. 141–48; Иванов С.А. Неизвестная византийская святая-трансвестит VIII–IX вв. // *Византийские очерки*. СПб., 2006. С. 81–85.

³⁵ Constantinou S. Female Corporeal Performances. Reading the Body in Byzantine Passions and Lives of Holy Women. Uppsala, 2005.

В отечественной историографии проблема образа женской святости в византийской агиографии рассматривалась преимущественно на материалах ранневизантийского периода. Не подвергая сомнению важность зарубежных исследований, посвященных эволюции типов святости, все же отметим, что они носили разнонаправленный характер, где агиографические источники анализировались в соответствии с иными исследовательскими задачами или отсутствовал детальный анализ житий святых женщин в историко-культурном контексте эпохи, необходимый для последовательного выявления признаков эволюции в модели женской святости.

Таким образом, детальное изучение самостоятельных сюжетов агиографической литературы и ее канона в историографической традиции, а также исследования отдельных житий святых женщин создают почву для более широких обобщений в рамках обозначенной проблемы и хронологических рамок.

Цель исследования – изучение становления, эволюции и типологии образов святых женщин в Византии VIII–XII вв. в социокультурном контексте эпохи.

Из цели проистекает ряд задач:

- проанализировать особенности используемых исторических источников;
- выявить истоки формирования традиции почитания женщин-святых в Византии на основе анализа библейских образов, культа Богородицы, сочинений Святых Отцов церкви;
- исследовать парадигмы мужской и женской святости, выявив общее и различное в их конструировании;
- проанализировать факторы, которые влияли на структурирование модели женской святости: состояние института монашества и особенности жизни византийских монахинь в указанный период, положение женщины в церковной иерархии, а также события иконоборческой эпохи с участием женщин.
- реконструировать образ женской святости в средневизантийский период в динамике, выявить типы святых женщин.

Источниковую базу диссертационного исследования составляют агиографические сочинения средневизантийского периода. Специфика данного источника заключается в том, что деяния «реального» исторического персонажа интерпретировались и корректировались агиографом в соответствии со сложившейся агиографической традицией. Глубокая привязка к жанровым канонам житийного повествования, ориентация на определенные образцы придавала видимость статичности и вневременности типическим образам святых, прославляемых в житиях. Это затрудняет работу с данным видом источников и требует применение особой методики анализа текста с учетом его жанровых особенностей.

В диссертации были использованы греческие тексты житий, а также их переводы на русский и английский языки. Также привлекались переводы житий на древнерусский язык и изложение содержания житий с комментариями на фран-

цузском языке. Переводы и изложения житий святых использовались в сопоставлении с греческими оригиналами для того, чтобы избежать искажений исторического смысла источника вследствие межкультурной ассиметрии.

Основными источниками, на которых строится данная работа, являются жития святых женщин (VIII–XII вв.): Афанасии Эгинской³⁶, Феоктисты с о. Лесбос³⁷, Ирины, игуменьи монастыря Хрисоволанта³⁸, Марии Новой³⁹, Фомаиды с о. Лесбос⁴⁰, Феодоры Солунской⁴¹, императрицы Феофано⁴², Ирины - восстановительницы иконопочитания⁴³, Феодоры-императрицы⁴⁴, житие Евпраксии Олимпийской из славянской Минеи⁴⁵.

Использовались также заметки Константинопольского Синаксаря⁴⁶ о святой царевне Анфусе, дочери Ирины и Константина, Анне-Евфимии, Анфусе Мантинейской, Феодоре из Кесарии, Феодосии Константинопольской, Феоклето и Анне из Левката. Краткие синаксарные версии житий сохранили для нас сведения о некоторых святых женщинах того времени, неизвестных по другим источникам.

Для компаративного наблюдения привлекались жития святых мужей Никола Чудотворца, Филарета Милостивого (VIII в.), Симеона Юродивого (VII–IX вв.), Симеона Столпника (VI в.), исповедника Михаила, пресвитера града Иерусалима (IX в.), Евстафия Плакиды⁴⁷, отрывки из житий святых мужей Евфимия Нового (IX в.)⁴⁸ и Феофана Сигрианского (IX в.)⁴⁹, жития святых Антония Нового (к. IX–н.

³⁶ Carras L. The Life of St. Athanasia of Aegina // *Maistor*. Canberra, 1984. P. 212-224; Life of St. Athanasia of Aegina // *Holy Women of Byzantium* / Ed. by A.M. Talbot. Washington, 1996. P. 142–158.

³⁷ Vita S. Theoctistae // *AASS. Nov. Vol. IV*. P. 224-33; Life of St. Theoktiste of Lesbos // *Holy Women of Byzantium*...P. 101–116.

³⁸ The Life of St. Irene Abbess of Crysobalanton / A critical ed., introd., transl. and notes by J. O. Rosenqvist. Uppsala, 1986.

³⁹ Vita S. Mariae Yunioris // *AASS. Nov. Vol. IV*. P. 692-705; Life of St. Mary the Younger // *Holy Women of Byzantium*...P. 254–289.

⁴⁰ De S. Thomaïde Lesbia, matron Constantinopoli // *AASS. Nov. Vol. IV*. P. 233–42; Life of St. Thomais of Lesbos // *Holy Women of Byzantium*...P. 297–322.

⁴¹ Арсений (Ивашенко А.И.). Житие и подвиги св. Феодоры Солунской. Юрьев, 1899.

⁴² Kurtz E. Zwei griechische Texte uber die Hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI. St. Petersburg, 1898. P. 1–24.

⁴³ Treagold W. The Unpublished Saint's Life of Empress Irene II // *BF*. 1982. Vol. 7. S. 237–251.

⁴⁴ Βίος τῆς αὐτοκράτειρας Θεοδώρας // *Symmeikta*. 1983. Vol. 5. P. 257-271; Life of St. Theodora the empress // *Byzantine defenders of images: eight saints' lives in English translation*. 1998. P. 353–383.

⁴⁵ Иванов С. А. Неизвестная византийская святая-трансвестит VIII–IX вв. Евпраксия Олимпийская // *Византийские очерки*. СПб., 2006. С. 81–85.

⁴⁶ *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae* / Ed. by H. Delehaye. Bruxellis, 1902.

⁴⁷ Полякова С. В. Жития византийских святых. СПб., 1995.

⁴⁸ Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII–IX вв. Петроград, 1914. Ч. 1. С. 470.

⁴⁹ Там же. С. 91.

Х вв.)⁵⁰, Мартиниана⁵¹, житие Никиты Мидикийского (IX в.)⁵², житие Лазаря из Галесии (XI в.)⁵³ и житие Симеона Нового Богослова (XI в.)⁵⁴.

Для ретроспективного рассмотрения византийской агиографической традиции мы обращались также к свидетельствам агиографических сборников: «Лавсаика» Палладия (V в.)⁵⁵, «Луга духовного» Иоанна Мосха (нач. VII в.)⁵⁶ и Нового Митерикона (XII–XIII вв.)⁵⁷.

Круг источников был расширен благодаря привлечению и других нарративных сочинений. Для понимания основ почитания женщин-святых и «логики» византийского мировосприятия, в котором доминировали сакральные ценности и вера в авторитет и незыблемость традиций, были проанализированы представления о женском идеале в сочинениях Отцов Церкви. Для реконструкции идеалов женского поведения в представлениях византийцев и церковных деятелей нами использовались сочинения Отцов Церкви: Иоанна Златоуста⁵⁸, Климента Александрийского⁵⁹, Феодора Студита⁶⁰, священномученика Киприана, епископа Карфагенско-

⁵⁰ Житие и деяния преподобного Антония Нового // Православный Палестинский сборник. 1907. Вып. 57.

⁵¹ Житие и деяния преподобного отца нашего Мартиниана // Православный Палестинский сборник. 1907. Вып. 57.

⁵² Слово надгробное преподобному отцу нашему и исповеднику Никите Мидикийскому, писанное Феостириктом, учеником самого блаженнейшего // Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. М., 2001. С. 156–179.

⁵³ The Life of Lazaros of Mt. Galesion. An Eleventh-Century Pillar Saint / Ed. by R. Greenfield. Washington, 2000.

⁵⁴ Никита Стифат. Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова, пресвитера и игумена монастыря святого Маманта Ксирокерка // Церковь и время. 1999. Т. 9. С. 151–208; Никита Стифат. Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова (продолжение) // Церковь и время. 2000. Т. 10. С. 264–302.

⁵⁵ Лавсаик Палладия // Иросанфион, или Новый Рай: собрание текстов монашеской агиографии Палестины, Египта и Византии V–XV вв. 2010. С. 27–123.

⁵⁶ Луг Духовный – Творение Блаженного Иоанна. М., 2002.

⁵⁷ Новый Митерикон // Иросанфион, или Новый Рай... С. 323–426.

⁵⁸ Иоанн Златоуст. О девстве // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского в русском переводе. Т. 1. Книга 1. СПб., 1898. С. 361.

⁵⁹ Климент Александрийский. Строматы // Пер. Е. В. Афонасина. СПб., 2003.

⁶⁰ Преподобный Феодор Студит. Творения. СПб., 1908. Т. 2.

го⁶¹, Василия Великого⁶², Иоанна Лествичника⁶³, Григория Нисского⁶⁴, Григория Богослова⁶⁵, Иоанна Дамаскина⁶⁶ и Феодорита Киррского⁶⁷.

Уставы ктиторских монастырей (св. Маманта в Константинополе⁶⁸, малоазийского Богородичного монастыря⁶⁹, константинопольского монастыря Богоматери Евергетидской⁷⁰, типик монастыря Пантократора⁷¹) и типики женских монастырей (Богоматери Кехаритомене⁷² и Богоматери Верной Надежды⁷³) позволили судить об идеалах монашеского поведения и правилах монашеской жизни в Византии.

Для исследования важное значение имели данные исторических и нравоучительных сочинений византийцев того времени: «Хронография» Михаила Пселла (XI в.)⁷⁴, «История» Никиты Хониата (XII в.)⁷⁵, трактат Евстафия Солунского «Об исправлении монашеской жизни» (XII в.)⁷⁶, «Хронография» Феофана Исповедника (IX в.)⁷⁷, «Хроника» продолжателя Феофана (X в.)⁷⁸, Псамафийская хро-

⁶¹ Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М., 1999. С. 191–208.

⁶² Василий Великий. Первое каноническое послание к Амфилохию Иконийскому // Творения Василия Великого. СПб., 1902. Ч. 7; Василий Великий. Подвижнические уставы подвижающимся в общежитии и отшельничестве // Творения Василия Великого. СПб., 1911. Т. 2. С. 482–530.

⁶³ Преподобного отца Иоанна Лествица в сокращении. М., 1991.

⁶⁴ Григорий Нисский. Послание о жизни святой Макрины. М., 2002.

⁶⁵ Григорий Богослов. Слово 8. Надгробное Горгонию, сестре св. Григория Назианзина // Григорий Богослов. Собрание творений. М., 2000. Т. 1.

⁶⁶ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., Ростов-на-Дону, 1992. Кн. 4.

⁶⁷ Феодорит Кирский. История Боголюбцев. СПб., 1853.

⁶⁸ Успенский Ф. И. Типик монастыря св. Маманта в Константинополе // Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1892. Т. 2. Византийское отделение. Ч. 1. С. 25–84.

⁶⁹ Дмитриевский А. А. Малоазийский Богородичный монастырь «ΤΩΝ ΗΛΙΟΥ ΒΩΜΩΝ» XII века и его Типик, хранящийся в библиотеке Патмосского монастыря // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1895. Т. 10. С. 308–313.

⁷⁰ Дмитриевский А. А. Малоизвестный константинопольский монастырь XI столетия Богоматери Евергетидской и его ктиторский Типик, хранящийся в рукописи Афинского национального университета // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1895. Т. 7. С. 421–443.

⁷¹ Дмитриевский А. А. Пандократорский константинопольский монастырь XII в. и его Типик, данный Императором Иоанном Комненом // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1895. Т. 8. С. 567.

⁷² Kecharitomene: Typikon of Empress Irene Doukaina Komnene for the Convent of the Mother of God Kecharitomene in Constantinople // Byzantine Monastic Foundation Documents. Washington, 2000. P. 649–724.

⁷³ Bebaia Elpis: Typikon of Theodora Synadene for the Convent of the Mother of God Bebaia Elpis in Constantinople // Byzantine Monastic Foundation Documents... P. 1512–1578.

⁷⁴ Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.

⁷⁵ Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 2. СПб., 1862.

⁷⁶ Eustathii Thessalonicensis. De Emendata vita monachica. Berlin, 2006.

⁷⁷ Летопись византийца Феофана. М., 1884.

ника (X в.)⁷⁹, «Советы и рассказы Кекавмена» (XI в.)⁸⁰, «Алексиада» Анны Комниной (XII в.)⁸¹.

Кроме того, в работе использованы материалы законодательных источников (Апостольские постановления, каноны Василия Великого, правила Вселенских соборов, Эклога) для того, чтобы рассмотреть положение византийской женщины в обществе и семье с точки зрения юридической нормы⁸².

Таким образом, использованные нами источники, представленные в обзоре, позволяют получить достоверные данные по рассматриваемым в работе вопросам и решить поставленные задачи диссертации.

Общей методологией исследования стал принцип историзма, в связи с чем образы женской святости рассматривались в исторической перспективе, что делало возможным проследить становление и развитие содержательного наполнения концептов византийской святости.

В качестве теоретико-методологического подхода для изучения поставленной в диссертации проблемы был выбран культурно-антропологический подход, который, по нашему мнению, позволяет наиболее точно учесть специфику образа святой женщины в Византии. Эвристический методологический инструментарий антропологической истории позволяет рассматривать образ как одну из универсалий культуры, в котором символически закодированы основополагающие ценности эпохи, иерархии смыслов, культурная логика византийской цивилизации. Анализ образа святой с позиций историко-феноменологических исследований позволяет рассматривать его как разновидность знака (символа), раскрывающего характер поведения (бытового, духовного, экстремального и т.п.) в конкретную эпоху.

Ретроспективное обращение к истокам архетипов идеала женского поведения в сочинениях Отцов Церкви, в культе Богоматери проводилось в соответствии с требованиями историко-генетического метода. Элементы историко-типологического метода позволили работать с материалами византийской агиографии для вычленения типов женской и мужской святости. Агиографические материалы исследуются в синхронной перспективе, реконструируется агиографическая модель, создаваемая биографами святых и предлагаемая читателям житий.

⁷⁸ Продолжателя Феофана Жизнеописания византийских царей. М., 1992.

⁷⁹ Хроника анонимного монаха псамафийского монастыря в Константинополе // Две византийские хроники. М., 1957.

⁸⁰ Кекавмен. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца IX века. СПб., 2003.

⁸¹ Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.

⁸² Постановления апостольские (в русском переводе). Казань, 1864. К. 3; Василий Великий. К Амфилохию о правилах // Творения Василия Великого. СПб., 1902. Ч. 7; 15-е правило IV Вселенского Собора см.: Деяние пятнадцатое святого Халкидонского собора // Деяния Вселенских соборов в русском переводе. Казань, 1908. Т. 4. С. 140; 14-е правило Трулльского Собора см.: Деяния вселенских соборов. Казань, 1908. Т. 6. С. 279; Деяния Вселенских соборов. Казань, 1909. Т. 7; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга Эпарха. Рязань, 2006.

Методы компаративного анализа помогают провести параллели с агиографией ранневизантийского периода, выделить своеобразие агиографии средневизантийского периода, специфику житий святых женщин и мужчин, а также соотнести культурные реалии Византии VIII–XII вв. с античной парадигмой.

Применение системного подхода к изучению образа святой женщины в обозначенный период позволяет реконструировать не только его религиозную сферу бытования, но и восприятие его византийским обществом и рассмотрение его как своеобразного «ответа» на запросы и потребности общества.

В исследовании мы также привлекали методы социальных наук, основным из которых является гендерный подход. Предписанные институтами социального контроля и культурными традициями модели поведения для мужчин и женщин были встроены в сложившуюся систему социальных отношений во всех сферах, и поэтому могли определять специфику образа святой женщины в Византии.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем:

- рассмотрены в различных аспектах образы женской святости в византийской агиографии;
- дан комплексный анализ истоков формирования идеала женской святости (по материалам Библии, сочинениям Отцов Церкви и свидетельствам о развитии культа Богородицы);
- впервые в отечественной историографии объект исследования рассмотрен в рамках VIII–XII вв.;
- опора на достигнутый уровень научного знания и применение совокупности различных методов для анализа образа святости позволяет свести воедино и уточнить сложившееся в историографии представления о женской святости и их эволюции;
- к исследованию эволюции представлений о женской святости привлекаются материалы Нового Митерикона;
- постановка проблемы в работе является новой для российской науки, исследование направлено не только на воссоздание смысла подвига святой, но реконструкцию концепта святости в непосредственном контексте исторической эпохи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Библейские образы женщин, идеи Отцов Церкви и культ Богородицы оказали существенное влияние на представление византийцев об идеалах женского поведения, которые вмещали две основные модели положительного женского поведения: девы-монахини и жены-матери.

2. Различия в конструировании мужской и женской святости определялись представлениями византийцев о социально-культурных сферах «мужского» и «женского». Однако святая женщина часто дистанцировалась от традиционных социальных ролей, отводимых ей обществом, что выражалось и в топосе переде-

вания, и во внутренних качествах святой, которые светским обществом, как правило, атрибутировались мужчине.

3. Особенности жизни внутри женских монастырей в Византии в рассматриваемый период накладывали отпечаток на образы святых женщин-монахинь и диктовали набор добродетелей святой, востребованных в рамках религиозной структуры.

4. Служение женщин в официально утвержденных литургических ролях удовлетворяло потребностям византийского общества, связанным с желанием Церкви официально и публично почтить женщин, которые внесли большой вклад в церковную жизнь, и необходимостью выражения интересов разнородной паствы.

5. Выделение четырех типов образов святых женщин, представленных в агиографии средневизантийского периода, позволило провести структурный анализ технологии конструирования образа женской святости. Эти модели отражают представления о религиозном пути женщины в византийском обществе: монахини-девственницы; вдовы, постригшейся в монахини; благочестивой мирянки и императрицы.

6. На протяжении средневизантийского периода образ святой женщины в агиографии претерпевает качественные изменения. Образ святой вплоть до IX в. был связан с отречением от мира, которое достигалось посредством аскетических практик, целомудрия, страданий плоти и усердных работ ради добродетели. В IX в. наблюдаются отступления от канона описания женской святости, в частности, возведение в ранг святости женщин, побывавших в браке - монашествующих вдов. В образах святых вдов в житиях средневизантийского периода наблюдается постепенное вытеснение значимости чрезмерного аскетизма и умерщвления плоти, поскольку они не были востребованы в рамках монашеского учреждения.

7. В агиографии X в. стали прославляться святые женщины, которые не принимали постриг и в миру достигли святости. Главными добродетелями образа святой мирянки, определяющими ее святость, становятся милосердие, смирение и терпение, а также добродетель супружеской верности.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования материалов в ходе осуществления учебного процесса в высших учебных заведениях, в частности при разработке лекционных курсов по истории средних веков, истории Византии, гендерной истории, истории культуры. Акцентированная в диссертации методика анализа агиографической литературы возвращает историческую науку к дискуссии о принципах работы с таким специфическим типом источников, каким являются жития святых.

Апробация материалов и выводов исследования проводилась в ходе докладов на международных и всероссийских научных конференциях: «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург, 2006, 2009, 2010), «Молодежь XXI века – будущее российской науки» (Ростов-на-Дону, 2008, 2009), «Личность и государст-

во» (Екатеринбург, 2009), «Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне» (Севастополь, 2010), «Проблема континуитета в византийской и поствизантийской истории» (Екатеринбург, 2010).

Основное содержание работы

Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы и двух приложений.

Во введении к работе обозначена актуальность работы, цели, задачи, предмет, объект, определены хронологические рамки исследования, даны характеристика источников и историографический обзор, отображены новизна и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе «*Характеристика источников*» подробно характеризуются источники, привлекаемые к исследованию. Необходимость этой главы продиктована сложностью и многообразием источников, используемых в диссертационном исследовании. Внимание уделяется подробной характеристике разнотипных и хронологически достаточно отстоящих один от другого памятников для выявления их исторической информативности. Особое место в главе занимает подробная характеристика агиографических сочинений – основных источников диссертационного исследования. Вычленение структурных моделей, по которым строились жития святых, топосов и «общих мест», позволяет судить о целях и информативности тех или иных элементов повествования. Адекватное понимание текстов византийских житий требует от исследователя дополнительных усилий, ввиду расхождения понятийно-категориального аппарата, в котором мы фиксируем наши представления о внешнем и внутреннем мире, с представлениями, бытовавшими несколько столетий назад. Вследствие чего исходные метафоры агиографического текста при прочтении современным исследователем подвергаются таким деформациям и метаморфозам, что ассоциативные ряды, рождающиеся в головах исследователей, могут значительно исказить замысел автора.

Для реконструкции представлений византийцев, бытовавших в период создания того или иного житийного произведения, историко-культурного контекста эпохи мы привлекаем данные других письменных источников, которые намеренно или помимо своей воли сообщают нам дополнительные сведения по интересующим нас вопросам: исторических и нравоучительных сочинений того времени. Ктиторские уставы зафиксировали правила монастырской жизни и дисциплины, регламентировали отношения между мужскими и женскими учреждениями, которые во многом могут объяснить особенности представлений византийцев об идеале святого монаха (монахини). Привлечение к исследованию норм законодательства, наряду с другими источниками, помогает восстановить представления византийцев об идеале поведения женщины в миру, в церкви и в монашестве. В исследовании учитывалось, что каждая правовая норма и закон в целом формулировали желательные «стандарты» поведения и поступков и могли отличаться от реальной

жизни византийцев. В главе также проанализированы особенности сакральных и религиозных текстов (Библейских текстов, сочинений Отцов церкви), на которые мог опираться агиограф при написании жития святой.

Таким образом, к исследованию привлекаются в письменные источники, которые носят в основном нарративный характер. Проанализированные источники по теме достаточно репрезентативны для решения поставленных задач.

Во второй главе «Христианские основания почитания женской святости» исследуются библейские образы, культ Богородицы, модели женского поведения в сочинениях Святых Отцов Церкви, парадигмы мужской и женской святости как существенные элементы, из которых формировались представления византийцев о святости в женском теле.

В первом параграфе «Библейские образы» дается характеристика свидетельств Библии о месте женщин среди первых христиан, анализируются особенности использования текста Ветхого Завета в социальной практике и культурном опыте Византийской империи. Библейские модели демонстрируют противоречивое отношение к женщине. С одной стороны, происходит реабилитация женщины в новозаветном тексте, которая допущена в мужской мир, являясь свидетельницей страстей Христовых и воскресения, с другой, подчеркивается ее подчиненное положение.

Большая часть византийцев была знакома с историями Ветхого Завета опосредованно, поскольку они были отфильтрованы через призму Нового Завета, комментарии Отцов Церкви, популярные сборники историй, о них напоминали культовые места, гимны, церковные литургические службы, иконы, фрески и мозаики. Образы библейских благочестивых женщин рекрутировались в агиографию для описания патриархальной византийской действительности, для обнаружения преемственности традиции святости в женском теле. Они оказали влияние на складывание топоса о длительной бездетности будущих родителей святых чад, использовались для восхваления идеальной супружеской четы, изображения милосердия, сопоставимого с милосердием верующих бедных вдов Библии.

Во втором параграфе «Культ Богородицы» исследуется проблема влияния развития культа Богородицы на теологическую апологию женщин, на обоснование святости в женском теле. В данном разделе рассматривается история почитания Марии как Θεοτόκος (Богородицы), происхождение культа Богородицы. Также показывается эволюция этого культа: рассматриваются свидетельства усиления преклонения перед Богородицей в VII–VIII вв. и возрастание значения земных проявлений материнства Марии в X–XII вв. Развитие культа Богородицы в значительной мере повлияло на отношение византийского общества к феномену женской святости, так как Богородица символизировала искупление греха, совершенного Евой, и, таким образом, своеобразно реабилитировала женщину в способности достигнуть высшей степени совершенства – святости. Теологическая и литера-

турная модель Девы Марии как земной матери, которая получила развитие с X в., возможно, оказала влияние на толкование образов святых мирянок, которые получили развитие в этот период времени. Следует подчеркнуть, однако, что Мария в Византии не почиталась обособленно, без ее Божественного Сына. Развитие культа Богоматери также отражало в какой-то мере и изменение статуса женщины в византийском обществе.

В третьем параграфе «Сочинения святых Отцов церкви – модели женского поведения» рассматриваются две модели женского поведения, рекрутируемые в агиографические сочинения VIII–XII вв. из трудов Отцов Церкви: девы-монахини и жены-матери. Репрезентация подвига добровольного целомудренного безбрачия, принимаемого ради Христа и Евангелия в трудах Святых Отцов анализируется на примере произведений Иоанна Дамаскина, Иоанна Лествичника, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Киприана, епископа Карфагенского. На основе изучения сочинений Отцов Церкви можно прийти к выводу, что идеальное поведение девы, «цвета духовного отростка», предполагало укрощение «ярости естества» различными суровостями жизни. Идеал аскетического безбрачия был воспринят многими святыми женщинами как модель совершенства и один из путей к Богу. Проблема святости в миру и идеал добродетельной мирянки анализируется на материалах сочинений Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Феодора Студита, Климента Александрийского. Положительный образ замужней женщины, обрисованный Отцами Церкви, предполагал супружескую верность, скромность и любомудрие, заботу о семье, заботу о духовном спасении детей и мужа, воспитание детей в соответствии с христианскими ценностями, трудолюбие, мужественность в перенесении семейных невзгод и даже насилия. Идеи Отцов Церкви об идеалах женского поведения рассматривались византийцами в качестве религиозной истины, влияли на восприятие и интерпретации авторами житий характеристик святости в женском теле.

В четвертом параграфе «Парадигмы мужской и женской святости» исследуются принципы моделирования образа святой женщины и святого мужчины, выявляются общие и особенные черты святости в мужском и в женском теле. В данном разделе рассматриваются несколько типов святости, с которыми соотносились жития, как святых мужчин, так и женщин: а именно тип монашеского благочестия или отшельничества, промежуточный тип святости – святой, побывавшей в браке и тип мирской святости. В рамках обозначенных выше типов святости выборочно анализируются в социально-культурном аспекте жития святых мужчин и женщин для того, чтобы реконструировать и сопоставить образы святости мужчины и женщины.

Монашеский тип святости в изучаемый период анализируется по житиям святых женщин Феоктисты с о. Лесбос, Афанасии Эгинской, святой Ирины из Хрисоволанта и святых мужчин Михаила Иерусалимского, Симеона Юродивого,

Симеона Нового Богослова, Никиты Мидикийского, Николы Чудотворца. Монашеский идеал святого в изучаемый период определяли добродетели, тесно связанные с практиками аскезы, лишений, бедности, постами, бдениями, молитвами, постоянными излияниями слез, символизировавшими акт очищения души, с «апостольским даром святого» – проповедничеством. Этот идеал святости утверждал полное удаление от мира и отказ от приверженности семейным узам и природной любви.

Второй тип святости – мужчин и женщин, побывавших в браке, исследуется на материалах житий Евфимия Нового, Феофана Сигрианского, Феодоры Солунской, Афанасии Эгинской. Этот тип святости рассматривается как своеобразный промежуточный вариант между святостью целомудренного монаха (монахини) и святостью мирянина (мирянки). В житиях святых этого типа брак толковался как неизбежное испытание на пути святого.

Следующий тип святости, а именно святости в миру, в работе рассмотрен по житиям византийских женщин-святых Марии Новой, Фомаиды с о. Лесбос, царицы Феофано и святых мужчин Филарета Милостивого, Евстафия Плакиды, Антония Нового, Илии Нового. В разделе отмечены различия в образе святого мирянина и мирянки. Жизнь святой мирянки рассматриваемого периода, в отличие от святого мирянина (святого Антония Нового, святого плотника Илии) обязательно была связана с браком. Житие святого мирянина и монаха часто прославляло общественное признание и успехи святого. Отмечается, что жития некоторых святых мирян (Феофан Исповедник, Евфимий Новый, Филарет Милостивый) и жития святых мирянок освящали узы брака и родственные связи.

В результате анализа образов святых мужчин и женщин в агиографии и признаков их святости обнаруживаются безусловные элементы сходства, связанные с канонем агиографического жанра и подражанием универсальным примерам благочестия из Святого Писания. Замеченные расхождения же в презентации святого мужчины и святой женщины были обусловлены, прежде всего, разными социальными ролями мужчин и женщин в византийском обществе, которые накладывали свой отпечаток на видение идеала праведности.

Третья глава исследования «Исторический контекст конструирования женских образов» посвящена анализу исторических факторов, которые могли повлиять на структурирование образа женской святости: состояния института монашества и особенностей жизни византийских монахинь в указанный период, роли женщин в церковной жизни Византии, а также событий иконоборческой эпохи с участием женщин.

В первом параграфе «Женское монашество в Византии» рассматриваются содержание и цели монашеского подвига, специфика женского монашества, правила монашеской дисциплины по материалам типиков мужских и женских монастырей.

Женское монашество в Византии развивалось в тени мужского и во многом перенимало характерные для него формы внутренней организации. Женские монастыри тяготели в основном к киновническому типу. Далее анализируются запретные предписания для монахов и монахинь, которые фиксировались в особых соборных постановлениях, монашеских типиках и сочинениях канониста XII в. Феодора Вальсамона. Особые, более строгие правила и законы относительно женских монастырей были обусловлены представлениями византийцев о женщинах как о «слабом поле». Женщины в монашеском служении непосредственно были связаны с мужчинами или евнухами. Только священник мог освятить евхаристию, обеспечить святость покаяния, совершить последние таинства перед смертью и провести отпевание. Для выполнения тяжелой физической работы, связанной с монастырем, также могли привлекаться мужчины. Однако во избежание соблазнов и искушений монашеские типики стремились ограничить доступ мужчин и евнухов в монастырь.

Немалое внимание уделено характеристике распорядка жизни в женском монастыре и роли игуменьи в его управлении (по материалам типиков, предписаниям Феодора Вальсамона и житиям святых). Настоятельница играла ключевую роль в управлении женским монастырем. Игуменья направляла монахинь на пути к их Спасению, поучала их нравоучительными беседами и нередко использовала наказание как инструмент дисциплины. Монахини в средневизантийский период обычно ограничивались пребыванием в одном монастыре, тогда как монахи были более мобильны, совершали путешествия и паломничества, что было связано с каноническими нормами поведения для представителей монашества в этот период. Жития святых женщин свидетельствуют о том, что женские монастыри в средневизантийский период были в большей степени автономными, чем в период поздней античности: пресвитеры в жизни этих учреждений играли второстепенную роль.

Во втором параграфе рассматривается роль женщины в церковной жизни Византии. Заключение богословов о подчиненной роли женщин в сочетании с социальным порядком византийского общества содействовали тенденции нивелирования участия женщин в литургическом действе и их возможностей исполнения sacramентальных функций. Это выражалось в запрете женского священства и епископата, который основывался на библейском запрете того, чтобы женщины говорили в церкви (1 Кор. 14: 34) и учили (1 Тим. 2: 11–12). Однако служение женщин в официально утвержденных литургических ролях удовлетворяло потребностям византийского общества. В разделе рассматриваются особенности и эволюция женского варианта диаконского служения. Кроме того, дано описание служения других женщин, которые помогали в совершении общественного богослужения. Они принимали участие в проведении литургии в мужском монастыре Константинополя и выполняли функции чина мироносиц в Иерусалимской церкви. Наряду с

официальными чинами женщин в византийской церкви существовали и привратницы, которые могли также подметать ступени церкви, убирать сгоревшие свечи и т.п.

Рассмотрение возможностей реализации духовных стремлений византиек в Церкви позволяет более точно и аккуратно интерпретировать свидетельства агиографии о святых женщинах, определять степень зависимости образа святой от агиографического канона, исторического контекста эпохи и социального, культурно обусловленного, положения женщины в византийском обществе.

В третьем параграфе «Роль женщины в восстановлении иконопочитания в Византии» анализируются две точки зрения: первая основывается на свидетельствах иконофильских источников об активном участии византиек в противостоянии иконоборчеству и в восстановлении иконопочитания. Этой позиции придерживаются А.А. Васильев, А.П. Каждан, А.М. Талбот, Дж. Б. Бьюри, Дж. Херрин; вторая, полярная точка зрения, заключается в рассмотрении свидетельств источников об участии женщин в восстановлении иконопочитания как своего рода исторического мифа, химеры, созданной иконофильской партией (Л. Джеймс, Р. Кормак). Далее в разделе выделяется и промежуточная точка зрения: политика иконоборцев рассматривается некоторыми историками как серия попыток сделать империю богоугодной, как результат падения авторитета икон (М. Виттоу). Участие женщин в сопротивлении политике иконоборцев с этой позиции может рассматриваться как одно из проявлений перемен настроений византийского общества.

Разнообразные мнения и оценки политики императоров-иконоборцев, отношения византийцев к иконам и участия женщин в восстановлении иконопочитания, подтверждают тот факт, что иконоборческое движение было очень сложным явлением и, к сожалению, состояние источников до сих пор препятствует его прояснению. Учитывая приведенные выше точки зрения о роли женщины в борьбе за восстановление иконопочитания, на основании исторических источников все же нельзя отрицать того, что женщины участвовали в борьбе за иконопочитание. Этому участию могло способствовать немалое значение икон в женском домашнем благочестии, родственные связи с мужчинами-иконопочитателями, сочувственное, сострадательное отношение к гонимым.

Четвертая глава «Типология женских образов в византийской агиографии и динамика их развития» посвящена анализу образов четырех типов святых женщин: монахини-девственницы, монахини, побывавшей в браке, святой мирянки и святой императрицы, которые были выделены на основе теоретического сущностно-содержательного анализа житий святых женщин.

Первый параграф «Образы монахинь-девственниц (ἀειπαρθένα)» посвящен рассмотрению первого условного типа женской святости на материале житий Анфусы Мантинейской (VIII–X вв.), Евпраксии Олимпийской, Феодосии Константинопольской (VIII–X вв.), царевны Анфусы (нач. IX–XI вв.), Феоктисты с о. Лес-

бос (X в.), Евпраксии Олимпийской (VIII–IX вв.). Среди образов святых девственниц встречались монахини, подвизавшиеся в мужском монастыре, монахини-отшельницы и монахини, стяжавшие святость в женском монастыре киновийского типа. Однако последний вид монахини-девственницы был наиболее распространен и популярен среди образов святых женщин-девственниц в рассматриваемый период времени, что было связано с потребностями женских учреждений в моделях для подражания.

Положение девственницы рассматривалось как самая высокая и самая безопасная ступень лестницы совершенства в целомудрии, тогда как положение в браке – самая низкая и самая опасная ступень. Образ монахини-девственницы представлял собой наиболее универсальный тип святости, который существовал в агиографии на протяжении всего рассматриваемого периода, хотя и был несколько потеснен другими типами святых женщин.

В рассмотренных житиях святых женщин девственность обычно описывалась как знак особой чистоты и непорочности, святая представлялась авторами житий как невеста во Христе. Фигура святой монахини-девственницы могла изображаться посредством последовательного или частичного воспроизведения как модели мученицы, так и модели монашеской аскезы, так и монахини, переодетшейся в мужские одежды. Эти модели опирались на устоявшуюся христианскую традицию и концепции святости.

Во втором параграфе «Образы монахинь, побывавших в браке (святых вдов)» охарактеризована модель святости женщин, побывавших в браке (святые вдовы), которая актуализируется в житиях святых женщин с IX в. (в житиях Анны из Левката (IX в.), Феодоры из Кесарии (VIII–X вв.), Феодоры Солунской (к. IX в.), Афанасии Эгинской (IX–X вв.), Анны-Евфимия. В житиях этого типа святых женщин брак толковался агиографом как неизбежное испытание на жизненном пути святой. Хотя замужество перестало служить препятствием для обретения святости, монашеская жизнь святой вдовы рисовалась агиографом как более поучительный этап жизни, к которому святая стремилась с самого детства против желания родителей.

Модель святости, персонифицированная в образе святой вдовы, отчасти повторяет каталог добродетелей, восхваляемых в образе монахини-девственницы: смирение, послушание, любовь к Богу, терпение, благочестие, аскеза и «мужество» святой в стяжании добродетелей. Однако ценность девства отступает на второй план, несмотря на то, что в житии святой вдовы присутствуют схематизированные похвалы девству. В житиях святых вдов не поощряется чрезмерный аскетизм и умерщвление плоти, которые вызывают опасения настоятельницы, поскольку могут повлечь за собой порочное поведение – гордость и непослушание воле настоятельницы монастыря. Такие изменения в образе святой женщины могли свидетельствовать о стремлении церкви регламентировать деятельность жен-

ских монашеских учреждений. Существенным аргументом для верификации святости святой вдовы служит не только ее безупречное поведение в монастыре, но и явление святой сверхъестественных сил, в частности умение творить чудеса. Прославление образов святых вдов было обусловлено потребностями в моделях поведения значительного количества вдов в византийском обществе, которые находили утешение и материальную поддержку в византийских женских монастырях.

В третьем параграфе «Образы святых мирянок» анализируются исторические предпосылки и условия актуализации образа святой мирянки в агиографии X в. В данном разделе исследуются образы женской святости на примере трех житий X–XII вв.: Марии Новой, Фомаиды с о. Лесбос, Феоклеты. В качестве иллюстративного материала дальнейшего развития идеала женской святости в миру, а также подтверждения предположения об актуализации образа святой мирянки, страдающей ради Христа от руки мужа, мы обращались к житию более позднего периода – Феодоры Артинской (XIII в.), и привлекали материалы компилятивного сборника житий, посвященные женам-мирянкам из «Нового Митерикона».

Особое внимание в параграфе уделено исследованию набора добродетелей, обосновывающих святость женщины в миру. Основные проявления благочестивых деяний святых мирянок составляли проявления милосердия и благотворительности, а также покорности и смирения. Однако образы святых женщин мирянок сохраняли в себе основы христианских представлений о святости, девстве и мученическом подвиге. Они обычно использовали теологическую аргументацию и фразеологию, которая характеризовала святость христианина в любую эпоху и, таким образом, обнаруживали константы христианского мировоззрения византийцев, которые подтверждались и обновлялись в образах святых женщин, обеспечивая долговечность основных парадигм святости. Образ святой, прожившей в миру и удостоившейся святости, отражал тенденцию появления святых, не оторванных от мира, а живущих в законном браке, которые утверждали своей добродетельной жизнью семейные ценности. Однако, святые жены, имевшие детей (Мария Новая, Феодора из Арты) не были традиционными матерями, посвящавшими все свое время воспитанию детей, и достигли святости через мученический подвиг. Все факты в биографии святой мирянки вписывались в общую схему христианского идеала. Через использование определенных сюжетных формул в житиях святых женщин, как правило, утверждалось главенство сакрального мира над профанным.

Четвертый параграф «Образы святых императриц» посвящен рассмотрению образов святых императриц Ирины, Феодоры и Феофано, причисление которых к лику святых было связано с политическими причинами.

Отмечается, что образы святых императриц часто были предназначены для того, чтобы представить их родственников мужчин в положительном или негативном свете, служили своеобразным средством легитимации правящей династии и ее политики в решении церковных споров. Немалое влияние на представление об

идеальной святой императрице оказал образ Богоматери, который экстраполировал на идеал святой императрицы материнские функции. В житиях святых императриц Феодоры и Феофано (в отличие от других святых жен и матерей рассматриваемого периода) в полной мере освещены ореолом святости добродетели благочестия заботливой жены и матери, переживающей о судьбе своего мужа и детей.

Благочестие святой императрицы рисуется через описание поступков светского характера: мудрого ведения домашнего хозяйства, милосердия, заботы о муже и детях (жития Феодоры, Феофано), умелого управления делами империи (житие Ирины). В житиях святых императриц, женщин, занимавших самое высокое социальное положение в империи, использовался топос тайной аскезы, который приводил описание жизни императрицы в соответствие с требованиями сложившегося агиографического канона.

Императрица Ирина явила своими действиями исключительный прецедент единоличного правления женщины-императрицы. Этот случай, в свою очередь, породил ответную реакцию в умах мужчин, которые прославили противоположные качества женщины-императрицы, представляющиеся наиболее уместными в патриархальном византийском обществе, воплощенные в образе святой императрицы Феодоры. Она, по свидетельству ее жития, лишь пассивно принимала участие в делах государства в роли регентши при малолетнем правителе и выступала лишь наблюдательницей торжества православия.

Рассматривая четыре условных типа образов святых женщин на материале византийской агиографии средневизантийского периода, можно обнаружить изменение смысловых акцентов модели женской святости в зависимости от актуальных задач общества, в котором и для которого было создано житие.

В заключении подведены общие итоги исследования. Констатируется, что информация в агиографических и нарративных текстах подчас носит не прямой, а скрытый характер, и ее интерпретация нуждается в особой методике. Особенности генезиса византийской агиографии, включение компонентов античной риторики предопределили некоторые ее характеристики, такие как риторичность стиля, пietet перед традицией и подражание ранним моделям.

Образы благочестивых женщин из Библии и трудов Отцов церкви привлекались в агиографии для описания патриархальной византийской действительности, для подчеркивания преемственности традиции святости в женском теле. Сравнение парадигм мужской и женской святости дало возможность выявить общее и различное в их конструировании.

Особенности жизни внутри женских монастырей и роль женщины в церковной жизни Византии в рассматриваемый период накладывали свой отпечаток на образы святых женщин-монахинь и порой диктовали набор добродетелей святой, востребованных в рамках религиозной структуры. Участие женщин в борьбе за

восстановление иконопочитания в Византии повлияло на образы святых женщин, возникшие в этот период времени.

Схематизируя развитие образа женской святости в изучаемый период на примере житий святых, написанных их современниками, можно сказать, что он эволюционировал от образа монахини-девственницы к образу святой мирянки. Соответственно такой направленности смены доминант в образе святой женщины значение девственной, аскетической тематики постепенно шло на убыль, а роль тематики, связанной внутренними интенциями, святостью в миру, напротив, возрастала.

Образ святой вплоть до IX в. был связан с отречением от мира, которое достигалось посредством аскетических практик, целомудрия, страданий плоти и усердных работ ради добродетели. В IX в. стали наблюдаться отступления от канона описания женской святости, в частности, возведение в ранг святости женщин, побывавших в браке. Брак толковался агиографом как неизбежное испытание на жизненном пути святой. В агиографии X в. стали прославляться святые женщины, которые не принимали постриг и в миру достигли святости.

Тенденция актуализации новых качеств в образе святой была связана с масштабными изменениями в культуре византийского общества. По всей вероятности, роль решающего фактора сыграли при этом такие крупные явления в общественной жизни, как религиозные движения, изменения в законодательной системе, высокая степень нестабильности и тревоги в общественной жизни страны, вызванная поражениями от исламского мира, возникновение новых теологических концепций крупных мыслителей, возрастание значения монашества, официальная политика государства в отношении основной ячейки общества — семьи.

Проведенное исследование образов святых женщин в Византии (VIII–XII вв.) открывает перспективу дальнейшего изучения феномена святости в целом, а также исследования образа женской святости в византийской агиографии на более широком временном промежутке. Это позволит реконструировать новые грани моделей женской святости, проследить развитие этих моделей и создать фундаментальный исторический труд по византийской агиографии, который будет представлять интерес и для историка, и для культуролога, и для филолога. Перспективным представляется использование полученных результатов для изучения особенностей образа святой женщины в Византии, Древней Руси и Средневековом Западе в сравнительном ключе.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статья в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК:

1. *Охлупина И.С.* Эволюция представлений о женской святости в византийской агиографии VIII–XII вв. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 1(72). С. 118–125 (0,5 п.л).

Статьи в сборниках научных трудов:

1. *Охлупина И.С.* Образ византийской женщины по материалам жития Марии Юной // Курбатовские чтения. Материалы ежегодной межвузовской конференции по истории и культуре средних веков и раннего нового времени. СПб., 2006. С. 22–23 (0,1 п.л).
2. *Охлупина И.С.* Образ женской святости на материалах агиографической литературы Византии и Запада: сравнительный анализ // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории: Сб. науч. тр. студентов, аспирантов и мол. ученых. Вып. 2. Екатеринбург, 2008. С. 126–129 (0,27 п.л).
3. *Охлупина И.С.* Идеал женского поведения по житию Феодоры византийской императрицы // Сборник материалов докладов 6-й всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь XXI века – будущее российской науки». Т. 2. Ростов-на-Дону, 2009. С. 92–93 (0,1 п.л).
4. *Охлупина И.С.* Образ византийской монахини по материалам жития Ирины из Хрисоволанта // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов всероссийской конференции студентов, аспирантов и мол. ученых. СПб., 2009. С. 53–55 (0,1 п.л).
5. *Охлупина И.С.* Почитание мощей святых женщин (VIII–XII вв.): данные агиографии // Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2010. С. 41–42 (0,1 п.л).
6. *Охлупина И.С.* Женская святость в социальном пространстве Византии VIII – XII вв. // « Личность, общество и государство»: сборник материалов по итогам региональной научной конференции студентов, аспирантов и соискателей. Екатеринбург, 2010. С. 35–36 (0,07 п.л).
7. *Охлупина И.С.* Материнство и святость на материале житий святых женщин средневизантийского периода (VIII – XII вв.) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2010. С. 6–9 (0,15 п.л).
8. *Охлупина И.С.* Тема детства в агиографической литературе средневизантийского периода. Тезисы докладов XIII Международных научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2010. С. 80–82 (0,1 п.л).
9. *Охлупина И.С.* Монашеская модель святости в житиях святых женщин VIII – XII вв. // Сборник материалов докладов 7-й научно-практической конферен-

- ции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь XXI века – будущее российской науки». Ростов-на-Дону, 2010. Т. 2. С. 64–65 (0,1 п.л).
10. *Охлутина И.С.* Образы монахинь по материалам византийской агиографической литературы (VIII–XII вв.) // *Античная Древность и Средние века*. 2011. Вып. 40. С. 136–146 (0,6 п.л).
 11. *Охлутина И.С.* Образ святой мирянки в византийских житиях X–XIII вв. // *Sacrum et Profanum*. Севастополь, 2011. Вып. V. С. 83–91 (1 п.л).